

УДК 343.3/.7

А.В. Сорокина

СИСТЕМА ПОСТРОЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКИХ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX – НАЧАЛА XX в.

В статье рассматриваются вопросы, относящиеся к системе построения Особенной части уголовных законов второй половины IX - начала XX в. Основное содержание исследования составляет ретроспективный анализ построения системы Особенной части в Уложении о наказаниях 1845 г., Уголовном уложении 1903 г. и УК РСФСР 1922 и 1926 гг. В статье выделяются и описываются характерные особенности системы норм Особенной части названных уголовных законов, структуры и содержания ее норм. Исследование истории формирования системы Особенной части уголовных законов проводится в историко-правовом и сравнительно-правовом аспектах.

Ключевые слова: систематизация уголовного права, Особенная часть, история формирования, структура Особенной части, объект посягательства.

Развивать и совершенствовать российское уголовное законодательство невозможно, не проанализировав и не оценив исторических уроков. Как справедливо отметил в свое время Н.С. Таганцев, «из всех областей права наиболее изменчивым является право уголовное: на понятиях о преступлении и наказании с наглядностью отражаются все политические и социальные перевороты народной жизни, и чем быстрее развивается жизнь, тем быстрее совершаются эти реформы» [1. Т. 1. С. 105]. Изучение системы Особенной части российских уголовных кодексов прошлых лет имеет важное теоретическое и практическое значение для определения основных направлений совершенствования действующего УК РФ, обеспечения его внутренней согласованности и эффективного правоприменения.

Важными историческими вехами на пути систематизации и кодификации уголовного законодательства России (от судебных грамот, судебных XV, XVI вв., Свода законов уголовных 1832 г. до современных уголовных кодексов) были Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение о наказаниях), Уголовное уложение 1903 г. и УК РСФСР 1922 и 1926 гг.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., явившееся первым российским систематизированным уголовным законом, было призвано «привести в надлежащее между собою согласие разнородные онаго части, посредством отдельных, но на одинаких началах и, так сказать, в одном духе исправления; устранить всякую в нем неточность и неопределенность выражений и самих положений; сделать в оном все нужные требуемые временем и указанные опытом и наблюдением дополнения» [2. С. 61].

Уложение о наказаниях имело Общую часть, представлявшую собой начальный элемент структуры кодифицированного акта. Общей части был по-

священ раздел I «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще», включавший пять глав, разделенных на отделения и статьи (1–175) [3. С. 1–60].

Иерархия общественных отношений, получивших охрану уголовно-правовыми средствами Уложения о наказаниях, полностью соответствовала религиозным, социально-экономическим, политическим и идеологическим условиям жизни общества того времени. Она была обусловлена рядом обстоятельств, среди которых: способствование православной церкви укреплению царского самодержавия; проведение административно-судебных реформ; защита классовых интересов, сословных привилегий и собственности дворян; безжалостная эксплуатация крепостного крестьянства; рост и жестокое подавление революционного движения вообще и любого свободомыслия в частности. В связи с этим Особенная часть Уложения о наказаниях была систематизирована в порядке значимости преступлений: от преступлений против веры до преступлений и проступков против собственности частных лиц. Неотъемлемой частью Уложения о наказаниях были классовая сущность и суровость уголовных репрессий.

Собственно нормы Особенной части Уложения о наказаниях были систематизированы на одиннадцать разделов (II–XII) и содержали описание преступлений и наказания за них. Разделы, в свою очередь, состояли из глав (часть из которых подразделялась на отделения, а отделения – на отделы), содержащих статьи (175–1711), которые раскрывали их содержание [3. С. 61–506].

Особенная часть включала в себя следующие разделы: раздел II «О преступлениях против веры, и о нарушении ограждающих оную постановлений»; раздел III «О преступлениях государственных»; раздел IV «О преступлениях и проступках против порядка управления»; раздел V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной»; раздел VI «О преступлениях и проступках против постановлений о повинностях государственных и земских»; раздел VII «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны»; раздел VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»; раздел IX «О преступлениях и проступках против законов о состояниях»; раздел X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц»; раздел XI «О преступлениях против прав семейственных»; раздел XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц». Как видим, преступления и проступки классифицировались на три вида: государственные, общественные, частные.

Подобная структура Особенной части Уложения о наказаниях была излишне громоздкой, что вызывало затруднения в поиске и понимании тех или иных уголовно-правовых запретов правоприменителем. Так, раздел V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» состоял из одиннадцати глав: глава 1 «О неисполнении указов, предписаний и законных по службе требований» (ст. 329–337); глава 2 «О превышении власти и противозаконном оной бездействии» (ст. 338–350); глава 3 «О противозаконных проступках должностных лиц при хранении и управлении вверенного им по службе имущества» (ст. 351–360); глава 4 «О подлогах по службе» (ст. 361–365); глава 5 «О неправосудии» (ст. 366–371); глава 6 «О

мздоимстве и лихоимстве» (ст. 372–382); глава 7 «О нарушении установленных при вступлении в должность и оставлении оной правил» (ст. 383–387); глава 8 «О нарушении порядка при определении на службу и к должностям и при увольнении от оных» (ст. 388–391); глава 9 «О преступлениях и проступках в сношениях между начальниками и подчиненными» (ст. 392–409) (объединяющая три отделения: «О нарушении долга подчиненности», «О нарушении порядка в отношении к подчиненным», «О слабом за подчиненными надзоре»); глава 10 «О медленности, нерадении и несоблюдении установленного порядка в отправлении должности» (ст. 410–425); глава 11 «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы» (ст. 426–505) (объединяющая шесть отделений: «О преступлениях и проступках чиновников при следствии и суде», «О преступлениях и проступках чиновников по делам межевым», «О преступлениях и проступках чиновников полиции», «О преступлениях и проступках чиновников крепостных дел и нотариусов», «О преступлениях и проступках казначеев и вообще чиновников, коим вверено хранение денежных сумм», «О противозаконных поступках чиновников при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи») [3. С. 117–164].

Изучение положений Уложения о наказаниях в этой сфере показывает, что преступные действия служащих, по самому их существу, распались на две существенно различные группы: служащие могли быть субъектами общих преступных деяний, а также субъектами преступного деяния по службе в тесном смысле, под которым понималась «вредоносная или незаконмерная, а посему преступная деятельность в порядке подчиненного государственного управления» [4. Т. 8. С. 6.]. Кроме того, многие отделы служебных преступлений в их конструкции получали характер как бы дополнительных постановлений к общим преступным деяниям [4. Т. 8. С. 7–8.].

Примечательно, что Уложение о наказаниях не содержало определения служащего вообще, используя такие понятия, как «должностное лицо», «чиновник», «лицо, состоящее на службе государственной и общественной», «состоящий на службе», просто «виновный» или «кто».

Как видим, составители Уложения о наказаниях были близки к современному положению доктрины уголовного права, согласно которому выделяются исходя из общности родового объекта посягательства (отдельная группа однородных общественных отношений, составляющих определенную область общественной жизни), главы – видového (общественные отношения одного вида), а статьи – непосредственного объекта (конкретное проявление общественных отношений данного вида) [5. С. 74].

Отдавая должное создателям Уложения о наказаниях в части структурирования его Особенной части в зависимости от особенностей объекта уголовно-правовой охраны, нельзя не заметить такие негативные черты ее норм, как архаичность, казуистичность, отсутствие четких критериев разграничения преступлений и проступков, наличие двойственной терминологии в отношении некоторых наименований.

Следует отметить, что составители Уложения осознавали это обстоятельство и признавали, в частности, что отдел преступных деяний по службе, ох-

ватывая только важнейшие злоупотребления по службе, имеет характер казуистичный [4. Т. 8. С. 8].

Казуистичностью отличались и нормы, предусматривающие ответственность за преступления против собственности. Так, в Уложении о наказаниях была предпринята попытка перечислить все обстоятельства, доказывающие факт обращения виновным в свою пользу чужого имущества (ложное записательство виновного в получении вещи; ложное утверждение, что вещь без его вины истреблена или утрачена; ложное утверждение, что полученная им вещь возвращена владельцу, использована по назначению; растрата), что фактически является невозможным [6. С. 43].

Исходя из вышеизложенного, а также положения о том, что «юридические конструкции есть средства юридической техники, основной задачей которых является формулировка закона, в наибольшей степени приводящая к достижению цели его создания» [7. С. 29], можно говорить, с одной стороны, о существенных изменениях уголовно-правовых предписаний в части уточнения и детализации признаков проступков и преступлений, а с другой – о недостаточности общих законодательных формулировок.

Как показала практика, несмотря на отмеченные недостатки, положения Уложения о наказаниях были использованы в дальнейшем при разработке и формировании современного уголовного законодательства.

Уголовное уложение 1903 г. (которое так и не вступило в силу в полном объеме) представляет интерес как с точки зрения содержания и техники нормативных постановлений, так и его влияния на формирование уголовно-правовых запретов в советском законодательстве.

Особенная часть Уложения 1903 г. состояла из 36 глав (II-XXXVI), объединяющих 611 статей: глава II «О нарушении ограждающих веру постановлений»; глава III «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и членов Императорского Дома»; глава IV «О государственной измене»; глава V «О смуте»; глава VI «О неповиновении власти»; глава VII «О противодействии правосудию»; глава VIII «О нарушении постановлений о воинской и земских повинностях»; глава IX «О нарушении постановлений, ограждающих народное здравие»; глава X «О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность»; глава XI «О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние»; глава XII «О нарушении постановлений, охраняющих общественное спокойствие»; глава XIII «О нарушении постановлений о надзоре за общественной нравственностью»; глава XIV «О нарушении постановлений о надзоре за воспитанием юношества»; глава XV «О нарушении постановлений о надзоре за печатью»; глава XVI «О нарушении постановлений о надзоре за промышленностью и торговлей»; глава XVII «О нарушении постановлений о личном найме»; глава XVIII «О нарушении постановлений о производстве строительных работ и о пользовании путями сообщения и средствами сношения»; глава XIX «О преступных деяниях против прав семейственных»; глава XX «О подделке монеты, ценных бумаг и знаков»; глава XXI «О подлоге»; глава XXII «О лишении жизни»; глава XXIII «О телесном повреждении и насилии над личностью»; глава XXIV «О поединке»; глава XXV «Об оставлении в опасности»; глава XXVI «О преступных деяниях против личной сво-

боды»; глава XXVII «О непотребстве»; глава XXVIII «Об оскорблении»; глава XXIX «Об оглашении тайн»; глава XXX «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов»; глава XXXI «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием»; глава XXXII «О воровстве, разбое и вымогательстве»; глава XXXIII «О мошенничестве»; глава XXXIV «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу»; глава XXXV «О преступных деяниях против прав авторских и привилегий на изобретения»; глава XXXVI «О самовольном пользовании чужим имуществом»; глава XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» [8. С. 34–226.].

Сам по себе приведенный перечень глав показывает, что из структуры Уголовного уложения были удалены разделы, отделения и отделы, вследствие чего, несомненно, существенно сократился объем Особенной части. Конечно, это значительно облегчило бы правоприменение в случае вступления Уголовного уложения в законную силу. М.Д. Шаргородский отмечал, что русское Уголовное уложение 1903 г. было построено по так называемой линейной системе, где все составы группируются в большом количестве глав без разбивки их на большие разделы [9. Т. 3. С. 59].

Здесь так же, как и в Уложении о наказаниях 1845 г., на первом месте были расположены религиозные преступления, затем государственные, потом шли преступления против порядка управления. Далее порядок расположения норм изменился. Преступления по службе государственной и общественной переместились в самый конец Особенной части. Преступления в сфере экономической деятельности заняли место между преступлениями против личности и преступлениями по службе.

Рассмотрим основные отличительные особенности Уложения 1903 г. на примере отдельно взятых глав и статей.

Так, ст. 108 главы IV «О государственной измене» предусматривает ответственность за случаи, когда «российский подданный, виновный в способствовании или благоприятствовании неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях наказывается

Если: 1) такое содействие или благоприятствование оказало существенное содействие неприятелю; 2) с изменнической целью совершено убийство, то виновный наказывается

Если такое содействие или благоприятствование неприятелю заключалось: 1) в предании ему или в покушении на предание ему армии или флота, отряда войска, отдельной части или команды, укрепленного места, военного порта или военного судна или в лишении их возможности защиты от неприятеля; 2) в склонении или подговоре отряда войска, отдельной части или команды или начальствующего над оными лица к переходу на сторону неприятеля; 3) в насильственном сопротивлении российским военным силам или в нападении на оные; 4) в убийстве начальствующего армии, штабом, отрядом войска, отдельною частью или командою, укрепленным местом, военным портом, эскадрою или военным судном или лица, заведомо исполняющего важные военные поручения или обязанность, или в предании кого-либо из сих лиц в руки неприятеля; 5) в истреблении складов средств нападе-

ния или защиты от неприятеля или предметов войскового довольствия или в приведении в негодность сухопутных или водяных путей сообщения или телеграфов или телефонов, или иных средств сношений различных частей армии; 6) в шпионстве, то виновный наказывается ...

Сим же наказаниям и на сих же основаниях подлежит российский подданный, учинивший предусмотренное сею статьею тяжкое преступление против союзного с Россиею по оружию иностранного государства» [8. С. 46].

Такое положение наглядно демонстрирует стремление составителей Уголовного уложения предусмотреть все возможные формы государственной измены, что вольно или невольно привело к расплывчатости в определении уголовно-правового запрета.

Достаточно четко, на наш взгляд, проработаны нормы главы VII «О противодействии правосудию» (ст. 156, 157, 160, 164, 168). Конкретность и тщательность в описании признаков объективной стороны, точность и недвусмысленность терминологии и ее доступность прослеживаются в статьях главы XVI «О нарушении постановлений о надзоре за промышленностью и торговлей» и главы XXXIV «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Статьи этих глав предусматривали ответственность за различные посягательства на общественные отношения в сфере экономики: преступления в сфере предпринимательской деятельности; преступления, связанные с банкротством; преступления в сфере банковской деятельности; преступления, связанные с порядком обращения ценных бумаг, и т.п. Как справедливо заметил А.В. Наумов, «опыт по конструированию таких норм не помешал бы и современному российскому законодателю» [10. С. 11].

Глава XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» включала в себя 52 статьи (ст. 636–687) [8. С. 207–226]. Анализ законоположений этой главы показывает, что они предусматривали ответственность за преступления, имевшие непосредственным объектом разноплановые социальные ценности: интересы государственной и общественной службы (ст. 636, 656, 657), отношения, обеспечивающие здоровье населения (ст. 646, 648), интересы правосудия (ст. 649, 650, 651, 652, 675); отношения, обеспечивающие сохранность государственной тайны (ст. 653); отношения в сфере общественной безопасности (ст. 663); отношения собственности (ст. 664) и др.

Следует отметить, что в рассматриваемом Уложении наблюдается большая, чем в Уложении о наказаниях 1845 г., точность, четкость и тщательность при конструировании признаков объективной и субъективной сторон преступлений. Закон рельефно разграничивал две формы деяния – активную (действие): «учинение действия по службе», «незаконное лишение свободы», «оглашение ... правительственных распоряжений») и пассивную (бездействие): «непринятие мер», «неучинение действий», «бездействие власти».

Составы преступлений можно легко отграничить друг от друга по конструкции: формальные, где имеет место только описание преступного деяния, и материальные – составы, в которых законодатель предусмотрел общественно опасные последствия в виде «важного вреда для порядка управления или для

казенного, общественного или частного интереса», «учинения тяжкого преступления».

С субъективной стороны деяния характеризуются умышленной формой вины или небрежностью, о чем прямо говорилось в диспозиции статьи. «Корыстные побуждения» чаще всего называются в качестве квалифицирующих признаков субъективной стороны состава преступления.

Кроме того, в Уложении 1903 г. составы преступлений делятся по степени общественной опасности на простые и квалифицированные.

Для абсолютного числа норм этой главы характерно наличие специально-го субъекта: служащий (ст. 636, 638, 639, 640, 641 и др.), внесенный в список присяжных заседателей на определенную сессию суда, а равно вошедший в состав комплекта присяжных заседателей (ст. 659); нотариус или иной служащий, уполномоченный законом на совершение, засвидетельствование или утверждение актов (ст. 672); старший нотариус или иной служащий, уполномоченный законом на совершение, засвидетельствование или утверждение актов (ст. 674); судья или иной служащий, уполномоченный законом на решение дел гражданских или дел об уголовной или дисциплинарной ответственности, или третейский судья (ст. 675); присяжный заседатель (ст. 677, 678, 679); исполняющий обязанности заведующего военно-конским участком или его помощник (ст. 684); состоящий на железнодорожной службе (ст. 687).

При этом очевидной новизной Уложения явилось определение понятия служащего, под которым понималось всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица, или полицейского или иного стража или служителя или лица сельского или мещанского управления (ст. 636) [8. С. 208]. Однако, как видно, наличие этого определения не дало возможности в обобщенном виде охватить все признаки субъектов преступлений по службе государственной и общественной.

В завершение общего обзора системы Особенной части Уголовного уложения 1903 г. хотелось бы отметить, что ее общими характерными чертами стали: упрощенная структура, некоторая смена в иерархии объектов уголовно-правовой охраны, достаточная конкретность и точность в изложении диспозиции уголовно-правовых норм, лучшая разработанность терминологии по сравнению с предыдущими памятниками русского права, с одной стороны, и сохраняющаяся казуистичность, бланкетность и декларативность в формулировках уголовно-правовых запретов – с другой.

Насущная потребность в упорядочении уголовного законодательства в 20-е гг. XX в. была реализована в создании первого советского Уголовного кодекса 1922 г., в основу которого были положены законодательство 1917–1921 гг. и судебная практика. По мнению Н.Д. Дурманова, это был первый уголовный кодекс нового государства, в котором были выражены социалистические принципы, важнейшие общие положения советского уголовного права и вся совокупность норм, относящихся и к Общей и к Особенной части [11. С. 193].

Создание этого Уголовного кодекса происходило в послереволюционное время в обстановке жесткой классовой борьбы в условиях смены общественно-экономической формации, что не могло не отразиться на построении сис-

темы Особенной части УК 1922 г. Анализируя историю развития Особенной части советского уголовного права, Г.В. Швеков писал, что «законодательное формирование тех или иных составов преступлений определялось в первую очередь задачами подавления сопротивления свергнутых классов, задачами борьбы за укрепление и развитие социалистического строя» [12. С. 68].

Особенная часть УК 1922 г. включала в себя восемь глав: глава 1 «Государственные преступления»; глава 2 «Должностные (служебные) преступления»; глава 3 «Нарушение правил об отделении церкви от государства»; глава 4 «Преступления хозяйственные»; глава 5 «Преступления против жизни, свободы, здоровья и достоинства личности»; глава 6 «Имущественные преступления»; глава 7 «Преступления воинские»; глава 8 «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок» [13. С. 7–26], часть из которых делилась на разделы. В этой системе норм достаточно рельефно прослеживалась приоритетность охраны государственных интересов перед охраной личности и отношений собственности.

А.А. Герцензон указывал, что Уголовный кодекс 1922 г. принял двучленное деление преступлений на преступления, направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка, или признаваемые наиболее опасными, по которым определен кодексом низший предел наказания, не подлежащий понижению судом, и все остальные преступления. Здесь в основу деления была положена степень опасности деяния, а не тяжесть наказания, характер санкции был производным от опасности преступления [14. С. 253–254].

В доктрине уголовного права тех лет критерием систематизации и кодификации уголовно-правовых норм по-прежнему считался объект преступного посягательства, что можно увидеть в системе построения Особенной части УК 1922 г. Так, А.Н. Трайнин считал, что объект преступления служит основным критерием при построении системы Особенной части, и даже те главы, которые дают повод для утверждения, что в некоторых случаях особенности субъекта служат основанием для классификации, на деле также строятся по общему объекту [15. С. 77].

Однако первый опыт научной систематизации советского уголовного права был не лишен недостатков, среди которых можно отметить идеологизированность и политизированность закона, его непоследовательность в иерархии охраняемых общественных отношений, в системе санкций, внутреннюю противоречивость уголовно-правовых норм, нечеткое определение элементов и признаков составов преступлений и другие технико-юридические недостатки. Так, Г.Л. Кригер указывал, что из-за недостатка законотворческой практики и неразработанности вопроса о критериях, в соответствии с которыми должна производиться систематизация, система Особенной части УК 1922 г. не была безупречной, не всегда удачным было расположение по главам конкретных составов преступлений [11. С. 142].

В системе Особенной части УК 1926 г. существенных изменений по сравнению с УК 1922 г. не произошло. Особенная часть состояла теперь из десяти глав [16. С. 35–139]. Глава 1 «Преступления государственные» разделилась на две главы: «Контрреволюционные преступления» и «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» [16. С. 35–

52]. Преступлениям против личности в иерархии социальных ценностей того времени было отведено лишь шестое место. Главы о преступлениях воинских и нарушениях правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок, поменялись местами и стали соответственно главами восьмой и девятой [16. С. 113–136]. 6 апреля 1928 г. постановлением ВЦИК, принятым на 2-й сессии XIII созыва Особенная часть УК 1926 г. была дополнена главой десятой «Преступления, составляющие пережитки родового быта» [16. С. 136].

В законоположениях УК 1926 г. помимо норм, предусматривающих ответственность за совершение конкретных преступлений, содержались и нормы-дефиниции. К ним можно отнести нормы, предусмотренные ст. 58¹, 59¹, 193¹ УК.

В названном законе отчетливо усматриваются такие виды диспозиций, как простая (ст. 95, 137, 138, 139, 147, 149, 159), описательная (ст. 58^{1а}, 58⁶, 58¹⁴, 59³, 90, 98, 109, 110, 111, 113, 119, 120, 161, 162, 165, 167, 168, 173, 174), ссылочная (ст. 110, 193¹³, 202), бланкетная (ст. 59^{3в}, 59^{3г}, 59^{3д}, 59¹¹, 60, 75¹, 75², 83, 85, 105, 108, 108¹, 133, 181, 192, 193¹⁵, 193¹⁶, 195) и смешанная.

УК РСФСР 1926 г. продолжил практику формирования системы Особенной части, построения уголовно-правовых норм, использования дефиниций, присущих Уложению о наказаниях 1845 г. и Уголовному уложению 1903 г. Так, глава третья «Должностные (служебные) преступления» включала в себя статьи со 109 по 121 УК. В ней предусматривалась ответственность за злоупотребление властью или служебным положением (ст. 109), превышение власти или служебных полномочий (ст. 110), бездействие власти (ст. 111), дискредитирование власти (ст. 113), получение взятки (ст. 117), дачу взятки и посредничество во взяточничестве (ст. 118), служебный подлог (ст. 120) [16. С. 81–88].

Так же, как и в русском уголовном праве, наблюдается разнохарактерность социальных ценностей, выступающих непосредственным объектом посягательства (ст. 114 УК предусматривает ответственность за постановление судьями неправосудного приговора, решения или определения; ст. 115 УК устанавливает ответственность за незаконное задержание или незаконный привод; ст. 116 УК регламентирует ответственность за присвоение или растрату должностным лицом или лицом, исполняющим какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения, денег, ценностей или иного имущества, находящегося в его ведении в силу его служебного положения или исполнения обязанностей). Как уже отмечалось, такое положение явилось следствием все еще слабой изученности теории объекта преступления, доктринальных основ систематизации и кодификации уголовно-правовых норм.

Некоторые законоположения претерпели редакционные изменения в виде объединения в одну норму или разделения на несколько других. Так, ст. 107 «Бездействие власти» и ст. 108 «Халатное отношение к службе» УК РСФСР 1922 г. в УК РСФСР 1926 г. были объединены в одну ст. 111, предусматривающую ответственность за бездействие власти. Но это не было исключительно механическое объединение. Изменение редакции статьи привело к изменению ее содержания, поскольку по УК 1926 г. понятие бездействия вла-

сти теперь охватывало случаи и невыполнения действий по службе и халатного отношения к службе.

Напротив, ст. 114 УК 1922 г., устанавливающая ответственность за получение взятки, посредничество во взяточничестве, укрывательство взяточничества и дачу взятки, была в УК 1926 г. разбита на две самостоятельные статьи: ст. 117 «Получение взятки» и ст. 118 «Дача взятки и посредничество во взяточничестве», что, на наш взгляд, облегчило понимание уголовно-правового запрета и правоприменение.

Примечательно, что УК 1926 г. устанавливал ответственность за деятельность некоторых соучастников (организаторов, подстрекателей и пособников) в самостоятельных нормах. Так, отдельные виды организаторской деятельности были криминализированы в ст. 58¹¹, ч. 1 ст. 62, ст. 201 УК. Подстрекательские действия влекли ответственность на основании ст. 73², 79¹ и 79³ УК. За пособничество уголовная ответственность предусматривалась ч. 1 ст. 111-а, ч. 2 ст. 129-а, ч. 2 ст. 141 УК.

Достаточно большое количество норм УК 1926 г. устанавливало повышенную ответственность за такой вид множественности, как повторность преступлений. Повторность как квалифицирующий признак была предусмотрена в ч. 2 ст. 62, ч. 4 ст. 64, ч. 2 ст. 74, ч. 2 ст. 83, ч. 3 ст. 83-а, ч. 2 ст. 91¹, ч. 2 ст. 133-а, п. «б» ч. 2 ст. 162, ч. 3 ст. 165, ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 192-а.

Анализ норм УК 1926 г. в целом, наряду с отмеченными положительными преобразованиями, приводит к выводу, что не везде удачно использовались юридические понятия, была выдержана логика построения состава преступления, т.е. формально-логическое содержание установлений не вполне отвечало потребностям следственно-судебной практики и, несомненно, вызывало разночтения при применении уголовного закона. Так, ч. 1 ст. 169 УК 1926 г. предусматривала ответственность за мошенничество, состоящее в злоупотреблении доверием или обмане в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод. В свою очередь, ст. 187 УК 1922 г. предусматривала ответственность за мошенничество, состоящее в получении с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана. Как видим, предмет мошенничества в УК 1926 г. был существенно и необоснованно расширен (в части «иных личных выгод»), а корыстная цель как конститутивный признак состава была исключена. Получалось, что мошенничеством можно было признать случаи получения виновным неимущественных выгод, а также случаи, когда завладевающий посредством обмана чужим имуществом давал за него потерпевшему полный эквивалент, что противоречило устоявшимся представлениям о сущности мошенничества [6. С. 100].

Примером внутренней несогласованности норм УК 1926 г. может служить такое положение, когда отдельные изменения, внесенные в уголовное законодательство, без учета тех изменений, которые они должны были бы повлечь за собой, привели к тому, что, в частности, вор, похитивший 5 руб. из сумки кондуктора трамвая, должен был быть подвергнут менее суровому наказанию, чем за похищение той же суммы у пассажира [17. С. 369].

Анализируя систему УК РСФСР 1926 г., М.Д. Шаргородский пришел к заключению о том, что она не может быть признана удовлетворительной,

поскольку как разделение на главы, так и последовательность глав в нем в значительной мере воспроизводят устаревшую систему УК РСФСР 1922 г. [9. Т. 3. С. 69].

В завершение следует отметить, что отличительной особенностью Особенной части УК 1922 и 1926 гг. стала преемственность основных концептуальных положений русского уголовного права, выразившаяся в системе построения юридических норм, в определении круга деяний, признаваемых преступлениями, в интерпретации составов преступлений, в уголовно-правовой терминологии. Эти уголовные кодексы послужили, как известно, основой для дальнейшего формирования и совершенствования российского уголовного законодательства.

Литература

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 380 с.
2. Блудов Д.Н. Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1844. 133 с.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. 2-е изд., доп. СПб.; М., 1871. 551 с.
4. Уголовное уложение. Объяснения к Проекту редакционной комиссии. СПб., 1895. Т. 8. Гл. 35. 674 с.
5. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Академия МВД СССР, 1980. 248 с.
6. Елисеев С.А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 121 с.
7. Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 52 с.
8. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд. Каменноостровского юрид. книжного магазина В.П. Анисимова, 1903. 253 с.
9. Шаргородский М.Д. Курс уголовного права. Т. 3: Уголовный закон. Л.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 311 с.
10. Наумов А.В. Российское уголовное право: Особенная часть (главы I–X): курс лекций: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. Т. 2. 504 с.
11. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1978. 310 с.
12. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1970. 207 с.
13. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. М.: Изд. Военной коллегии Верх. трибун. ВЦИК, 1922. 42 с.
14. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 466 с.
15. Трайнин А.Н. Избранные труды / составление, вступительная статья Н.Ф. Кузнецовой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 898 с.
16. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 256 с.
17. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Юрид. лит., 1961. 380 с.